
П.П. Толочко

НАЧАЛО ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы происхождения восточнославянской государственности. В авторском представлении она была, прежде всего, продуктом внутреннего социально-политического развития восточных славян. Уже задолго до прихода на Русь варяжских дружин здесь имелась собственная административно-территориальная организация общества в виде межплеменных союзов, возглавляемых князьями, а также их социальных центров — летописных градов. Варяги не принесли восточным славянам своей социально-политической системы с конунгами, ярлами, хёвдингами, тингами и другими норманнскими управленческими институтами, но восприняли местную: стали князьями, посадниками, воеводами, тысяцкими и др. Можно сказать, они встроились в восточнославянскую жизнь, возглавив дальнейший процесс ее консолидации. Особенностью варяжской княжеской династии на Руси было то, что она сравнительно быстро стала славянской, не мыслившей себя вне интересов того государства, во главе которого оказалась. Общий вывод статьи сводится к тому, что мы не можем исключать «племенной» этап в жизни восточных славян из эволюции их государственности, равно как и начинать политическую историю Руси только с прихода варягов, что стало особенно заметно в наше время. Совершенно некорректными представляются и поиски первой столицы Руси на севере восточнославянского мира — в Старой Ладоге или Новгороде. Названные центры являлись такими же средоточиями роста ранней государственности, как Киев и Искоростень на юге, или Полоцк на западе. И ни один из них не может рассматриваться до 80-х годов IX в. в качестве общерусского. Первой и единственной столицей Руси был Киев.

Ключевые слова: Восточные славяне, Русь, Варяги, Славиния, «княжье», Рюриковичи, грады

Согласно традиции отечественной историографии, идущей от первых летописцев, начальным этапом древнерусской государственности считаются 50–60-е годы IX в. В это время наша страна обрела свое название («нача ся прозываети Руска земля»¹),

---

¹ ПВЛ. С. 12.

осуществила поход на Константинополь («Приходиша Русь на Царьгородъ»²), призвала на княжение варяжских братьев («Земля наша велика и обильна, а наряда в ней нѣтъ. Да поидѣте княжить и володѣти нами»³).

Так вышло, что именно последнее событие, о котором красочно рассказано в летописи под 862 г., стало точкой отсчета истории отечественной государственности, получившей официальное закрепление и в правительственных указах России: в 1862 г. — царском, а в 2011 г. — президентском. Правда, в последнем случае, почему-то, только как российского национального явления, а не общевосточнославянского.

Конечно, это слишком упрощенный взгляд на политическую эволюцию восточных славян. Он, по существу, исключает признание у них внутренней самоорганизации в доваряжское время. Не было наряда у славян, как простодушно отметил летописец, но пришли из-за моря варяги (Рюрик, Синеус и Трувор) и установили его⁴. В реальной жизни, разумеется, все было намного сложнее, что, собственно, и следует из внимательного прочтения летописи, а также из анализа археологических источников, полученных многолетними раскопками восточнославянских памятников.

Думается, уместно здесь будет хотя бы кратко остановиться на вопросе происхождения названия «Русь», которое, согласно одной из историографических традиций, как и государственность, также принесли в восточнославянскую среду варяги. Исходные данные для вывода историков о северном, а точнее, шведском происхождении термина «русь», находятся в летописной статье 862 г. Между тем, она настолько противоречива, что делать на ней однозначное заключение нет и малейших оснований. Заявив, что словене «идоша за море къ варягомъ, к руси», летописец затем привел перечень скандинавских народов, в котором места для руси не нашлось. «Сиче бо ся зваху тьи варязи русь, яко се друзии зъвуться свие, друзии же урмане, анъглыне, друзии гъте»⁵.

² Там же.

³ Там же. С. 13.

⁴ Принципиально ситуация не изменилась бы и в том случае, если бы оказалось, что Рюрик и его окружение были выходцами не из Ютландии, но из славянской Южной Балтики.

⁵ ПВЛ. С. 13.

Еще более существенным в приведенном летописном свидетельстве является то, что оно не отождествляет русь со шведами. Наоборот, оно утверждает, что шведы относительно руси — такой же другой народ, как и норвежцы или датчане. Несколькими строчками ниже русы у летописца выступают и теми, кто участвовал в приглашении, и теми, кого приглашали. «Рѣша русь, чюдь, словѣни, и кривичи, и вси... И избърашася 3 братья с роды своими, пояша по собѣ всю русь»⁶.

Этническая разность руси и шведов засвидетельствована и в Бертинской хронике епископа Пруденция. Рассказывая о пребывании посольства русов 838–839 гг. в Константинополе и Ингельгейме, автор отметил, что в столице Византии они отрекомендовались представителями народа «Рос» (*Rhos*) и посланниками хакана (*chacanus*), а в столице Франкского королевства назвались не русами, а свеонами. Из этого признания следует, что в действительности послы не были этническими русами, но лишь находились у них на службе. Аналогичные ситуации имели место и во времена Олега и Игоря, чьи послы-норманны также заявляли, что они «от рода рускаго».

Исходя из свидетельств Бертинских анналов, а также «Баварского географа», разместившего Русь (*Ruzzi*) в непосредственном юго-западном соседстве с хазарами (*Caziri*), можно полагать, что русы были известны на юге восточнославянского мира задолго до их летописного «призвания» из-за моря⁷.

Собственно, и наиболее резонансное событие, связанное с русами (имеется в виду поход 860 г. на Константинополь), состоялось также раньше их «призвания». Предполагать, что поход был осуществлен из далекого и малонаселенного Волховско-Ильменского края, совершенно не реалистично, о чем автору этих строк уже приходилось писать⁸. Однако парадокс в объяснении этого события заключается в том, что исследователи, даже и те, которые разделяют практическую невозможность такого дальнего похода, упорно не хотят признать исходным его пунктом Киев и Среднее Поднепровье. Для них это какая-то

⁶ Там же. Как показали А.А. Шахматов, А.Н. Насонов, Б.А. Рыбаков и другие исследователи, Русь была отождествлена с варягами автором или редактором «Повести временных лет».

⁷ Толочко П.П. В поисках загадочного Русского каганата // Київ і Русь. Вибрані твори 1998–2008 рр. Київ, 2008. С. 29–39.

⁸ Толочко П.П. Русь изначальная // Археологія. 2003. № 1. С. 100–103.

незнаемая земля, находящаяся где-то севернее Причерноморья, но при этом, как утверждает А.А. Горский, не слишком далеко к северу⁹.

При ответе на вопрос, кто такие русы и откуда они происходят, нельзя абстрагироваться от тех летописных свидетельств, которые связывают это название исключительно с насельниками Среднего Поднепровья. Единственным восточнославянским племенем, получившим новое имя, были поляне: «поляне, яже нынѣ зовомая Русь»¹⁰. «Матерью городов русских» был назван их город Киев¹¹, а не Ладога или Новгород, где раньше всего утвердились северные пришельцы.

Не позволяют отождествлять русов с варягами и более поздние летописные свидетельства, в частности те, в которых рассказывается о борьбе за Киев Ярослава и Святополка. В собранной Ярославом в Новгороде многотысячной дружине, с которой он выступил на Киев, были «варяги» и «прочие вои», но не было русов. В то время как Святополк выступил навстречу ему из Киева, «пристрои бе-щисла вой, Руси и печенѣгъ»¹². О русах в войске Ярослава говорится в статье 1018 г., когда он, будучи уже киевским князем, отражал наступление Болеслава Храброго и Святополка. «Ярославъ же, совокупивъ Русь, и варягы и словѣнѣ, поиде противу Болеславу и Святополку»¹³. В приведенных свидетельствах важными являются два обстоятельства. Во-первых, летописец не отождествляет варягов с русами и, во-вторых, обнаруживает последних только в дружинах киевских князей.

О южном происхождении этнонима «русъ» и его носителей свидетельствуют также византийские письменные источники. В них название «росы» постоянно заменяется названиями «скифы» и «тавроскифы», что было бы совершенно невозможным, если бы эти росы являлись жителями далекого скандинавского севера. К тому же, греческие авторы всегда четко различали варягов и русов. В частности, во всех императорских хрисовулах, регламентировавших пребывание иностранных наемников в Византии, варяги и русы неизменно названы как различные этнические группы.

⁹ Горский А.А. Первое столетие Руси // Средневековая Русь. 2012. Вып. 10. С. 50.

¹⁰ ПВЛ. С. 15.

¹¹ Там же. С. 14: «Се буди мати градомъ русьскимъ».

¹² Там же. С. 62.

¹³ Там же. С. 63.

Так что, перефразировав известное изречение классика, можно сказать, что выводы о тождестве варягов и руси оказываются слишком преувеличенными¹⁴.

Однако, независимо от того, кем были летописные варяги, совершенно очевидно, что не они положили начало восточнославянской государственности. Это немыслимо ни теоретически, ни практически. Если мы внимательно вчитаемся в летопись, то окажется, что варяжские находники не принесли в среду восточных славян новой административно-политической организации, но воспользовались уже существующей. «И прия власть Рюрикъ, и раздая мужемъ своимъ грады, овому Полотескъ, овому Ростовъ, другому Бѣлоозеро». Отметив, что в этих городах сели находники варяги, летописец пояснил, что «перввии насельници в Новѣгородѣ словѣне, въ Полотьски кривичи, в Ростовѣ меря, в Бѣлѣ-озерѣ весь, в Муромѣ мурома»¹⁵.

По существу, аналогичная ситуация имела место и на юге восточнославянского мира. Аскольд и Дир, названные летописью боярами Рюрика, по пути в Царьград увидели на «горѣ городокъ» и, после выяснения, чей он, решили в нем остаться. «Аскольдъ же и Диръ остаѣта въ градѣ семь... и начаста владѣти польскою (т. е. Полянскою. — П. Т.) землею»¹⁶.

Еще более убедительным свидетельством существования административной и политической организации восточных славян доваряжского времени является рассказ о походе Олега в 882 г. на юг: «и приде къ Смоленску съ кривичи, и прия градъ, и посади мужь свои, оттуда поиде внизъ, и взя Любець, и посади мужь свои». В Киеве он сел сам, убив Аскольда и Дира. «И сѣде Олегъ княжа въ Киевѣ»¹⁷.

Как видим, варяги не основывают новых городов, но овладевают уже существующими, не учреждают в них администрации, но меняют прежнюю на свою, не создают волостей-земель, но распространяют свой суверенитет на уже существующие.

Чтобы завершить этот сюжет, следует сказать, что в наше время вопрос о том, кому принадлежит приоритет в создании Древнерусского государства, потерял свою остроту. С одной стороны,

---

¹⁴ Подробнее об этом см.: *Толочко П.П.* Київська Русь // Київ і Русь. С. 7–11.

¹⁵ ПВЛ. С. 13.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. С. 14.

уже никто не спорит с тем, что варяги принимали участие в начальной русской истории, а с другой, — для всех стал очевидным тот факт, что государства являются прежде всего продуктами внутреннего социально-экономического развития обществ. Что касается варягов, то здесь и спорить не о чем. Они по определению не могли принести в восточнославянский мир структурированную государственность, поскольку еще не имели таковой у себя на родине.

Оказавшись по воле случая в чужой стране и в чуждом для себя мире, варяжские пришельцы должны были очень быстро адаптироваться к новым условиям жизни, перенять от восточных славян традиции их государственности, принять их властную титулатуру. Не случайно, Рюрик и его ближайшие преемники назывались не конунгами, коими они были в прошлом, но князьями. Да, по существу, и натуральными варягами были только Рюрик, Олег и Игорь. Остальных ближайших к ним князей можно называть варяжскими лишь очень условно. Ольга была славянкой, ее сын Святослав — наполовину славянином, а Владимир и вовсе на три четверти славянином.

Трудно сказать, сколь долго сохранялся в киевском княжеском роде пиетет по отношению к своему норманнскому происхождению, но то, что уже со времен Ольги и Святослава этот род не мыслил себя вне интересов государства, во главе которого находился, совершенно определено.

Из летописных свидетельств явствует, что начало восточнославянской политической организации относится к третьей четверти I тысячелетия н. э. Перечисляя восточнославянские племенные объединения, Нестор или его предшественники, называют их поименно — поляне, древляне, северяне, дреговичи, словене и др., а там, где пытаются определить их социальную организацию, — княжениями. После смерти полянского князя Кия, замечает летописец, «почаша родъ ихъ княженье в поляхъ, а въ деревляхъ свое, а дреговичи свое, а словѣни свое»¹⁸. Род здесь определенно выступает как правящая княжеская династия.

В юбилейном сборнике «Средневековая Русь», посвященном 1150-летию зарождения российской государственности, А.А. Горский в содержательной статье «Первое столетие Руси» пришел к выводу, что предложенный им ранее термин «племенное кня-

---

¹⁸ Там же. С. 10.

жение» не очень удобен в употреблении, поскольку определение «племенное» сохраняет иллюзию, что эти общности носили родоплеменной характер. Теперь он предлагает применять к ним термин, известный в византийских источниках — «славинии»¹⁹.

Должен огорчить А.А. Горского. Термин «племенное княжение» был введен в научное обращение не им, но Д.Я. Самоквасовым еще в начале XX в. «Формой общежития русских славян IX в., — писал он, — было племенное княжение, племенное государство... Таких государств на всем пространстве земли между Ладожским озером и Черным морем, Карпатами и верхним течением Волги было только двенадцать»²⁰. В 60–70 годы XX в. этот термин широко применялся по отношению к летописным племенам третьей четверти I тысячелетия н. э. В том числе и автором этих строк в книгах «Исторична топографія древнього Києва», «Древнерусский феодальный город» и др.²¹.

Опасения А.А. Горского, что определение «племенные» порождает иллюзию некой архаичности этой общности, безосновательно. О терминах ведь договариваются. А в том, что летописные племена — не мелкие родоплеменные образования, а крупные территориальные объединения, союзы племен, ни у кого из занимавшихся этой проблемой не было сомнений уже со времен А.А. Спицына и Д.Я. Самоквасова.

И уж, конечно, его никак не может заменить византийский термин «славиния». В нем нет социально-политического содержания. Это — этническое определение, уточняющее, что «поляне», «древляне», «северяне» и др. являются славянами²². Он не отвечает на вопрос, на каком этапе политического развития находились эти восточнославянские «славинии». Попытки объяснить их социальную сущность новомодными терминами «сложного и сверхсложного вождества», что предлагает А.А. Горский, не кажутся удачными. Да и зачем придумывать какое-то

---

¹⁹ Горский А.А. Первое столетие Руси. С. 35.

²⁰ Самоквасов Д.Я. Происхождение русского народа. М., 1908. С. 6.

²¹ Толочко П.П. Исторична топографія древнього Києва. Київ, 1970. С. 55; *Он же*. Древнерусский феодальный город. Киев, 1989. С. 34.

²² «Когда наступит ноябрь месяц, тотчас их архонты выходят со всеми росами из Киава и отправляются в полюдия, что именуется “кружением”, а именно — в Славинии вервианов, другувитов, кривичей, севериев и прочих славян, которые являются пактиотами росов» *Константин Багрянородный*. Об управлении империей. Текст, перевод, комментарий / Под ред. Г.Г. Литаврина и А.П. Новосельцева. М., 1989. С. 51 (9-я глава).

вождество, когда в летописи имеется термин «княжение». Не проще ли соотносить эти ранние восточнославянские княжения с военно-демократической стадией государственности, установленной Ф. Энгельсом?

Практически каждому из племенных княжений соответствует своя археологическая культура, памятники которой покрывают большие территории. Их социальные центры в летописи названы «градами». В рассказе об основании Киева читаем: «И створиша градъ во имя брата своего старѣйшаго»²³. Говоря об улицах, летописец замечает, что те сидели по Днепру до моря «и суть гради их и до сего дне»²⁴.

Археологические исследования выявили такие ранние городки в Киеве, Чернигове, Зимно, Пастырском, Битице, Хотомеле, Колочине, Тушемле, Изборске, Пскове, Старой Ладогге и др. Типологически все они очень близки между собой и, определенно, являлись административными центрами племенных союзов²⁵.

В свое время П.Н. Третьяков применил по отношению к раннесредневековым племенным или точнее межплеменным центрам термин «эмбрион города»²⁶. При всей его условности, он в целом верно выражает социальную сущность восточнославянских градов VI–VIII вв. Видеть в них истоки древнейших городов так же естественно, как и в племенных княжениях — начало древнерусской государственности.

Исследуя проблему происхождения древнерусских городов, я пришел к выводу, что ранние восточнославянские «грады» социально и стадияльно очень близки к таким же центрам западных славян — Макульчицы, Стары Замки, Ленчица, Шелиги, а восточнославянские союзы племен или княжения политически напоминали раннегосударственные образования моравов и словаков (государство Само), полянский и мазовшанский союзы племен в Польше²⁷. В уже упоминавшейся статье А.А. Горского также содержится подобный аналогический ряд, но, как и в случае с «племенными княжениями», без ссылок на своих предшественников.

---

²³ ПВЛ. С. 9.

²⁴ Там же. С. 10.

²⁵ Подробнее об этом см.: *Толочко П.П.* Древнерусский феодальный город. С. 19–34.

²⁶ *Третьяков П.Н.* Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.; Л., 1966. С. 245.

²⁷ *Толочко П.П.* Древнерусский феодальный город. С. 25–28.

О наличии у восточных славян собственной общественно-политической организации еще до прихода варягов наглядно свидетельствуют военные походы против них Олега. Их цель — подчинить местное население новой киевской власти. «Поча Олегъ воевати деревляны, и примучивъ а, имаше на них дань по чернѣ кунѣ». «Иде Олегъ на сѣверяне, и побѣди сѣверяны, и възложи на нь дань легъку, и не дасть имъ козаромъ дани платити»²⁸. Вслед за древлянами и северянами даннические отношения Олег распространил и на радимичей. С уличами и тиверцами, как отметил летописец, новый киевский князь находился в состоянии войны.

«Примучиванием» восточнославянских княжений пришлось заниматься и преемникам Олега. Причем, по несколько раз одних и тех же. Из летописной статьи 913 г. следует, что поход Игоря на древлян был вызван тем, что они после смерти Олега вышли из подчинения Киеву: «затворишася отъ Игоря по Олговѣ смѣрти»²⁹. В результате нового похода на них была возложена дань еще большая, чем та, что была при Олеге. Неумеренные даннические аппетиты Игоря закончились, как известно, восстанием древлян и казнью киевского князя³⁰. Окончательно покорить древлян удалось только Ольге. Дважды ходил на вятичей Святослав, в результате чего они также оказались данниками Киева. «В лѣто 6474. Вятичи побѣди Святославъ, и дань на нихъ възложи»³¹.

К сожалению, лаконичные летописные известия не сохранили нам (за редким исключением) имен племенных князей, которых «примучивали» первые киевские Рюриковичи. На этом основании некоторые исследователи вообще не находят им места в ранней государственной структуре Руси, отдавая приоритет в этом варягам.

Между тем, административно-политическая система восточных славян, сохранявшаяся практически неизменной вплоть до административных реформ Святослава и Владимира, хорошо отражена в летописи. Говоря об укладах на Киев, Чернигов, Переяславль, Полоцк, Ростов, Любечь и другие города, летописец в статье 907 г. отметил,

²⁸ ПВЛ. С. 14.

²⁹ Там же. С. 21.

³⁰ В обращении древлян к Ольге после убийства Игоря, последний назван князем русским («Се князя убихомъ рускаго» — Там же. С. 27), что свидетельствует о том, что себя в это время они русичами еще не считали.

³¹ Там же. С. 31.

что «по тѣмъ бо городомъ сѣдяху велиици князи, под Олгом суще»³². Близкие содержательно записи находятся и в договоре 911 г. Послы «от рода рускаго» представляли не только Олега, но и «всѣх, иже суть подъ рукою его, свѣтлых и великих князь, и его великих боярь», а греки должны были хранить любовь «ко княземъ нашим свѣтлым руским и ко всѣм, иже суть под рукою свѣтлаго князя нашего»³³. В договоре 944 г. говорится, что большое русское посольство было направлено в Царьград «от Игоря, великого князя рускаго, и от всякоя княжя, и от всѣхъ людей Руския земли»³⁴.

Мимо этих, не совсем понятных, летописных дефиниций не прошел, по существу, ни один историк Киевской Руси. Объяснение они получили разное. Одни (М.П. Погодин, С.М. Соловьев, Х. Ловмянский, А.В. Назаренко и др.) видели в «князьях под Олгом сущих» или во «всяком княжье» договора 944 г. членов семейства Рюриковичей, другие (С.В. Юшков, Б.Д. Греков, Б.А. Рыбаков, П.П. Толочко и др.) полагали, что летописец под этими определениями имел в виду местных славянских князей, покоренных центральной киевской властью³⁵.

М.С. Грушевский, обратив внимание на стабильное число слов в договорах, считал, что оно отражало «состав государства из двадцати княжеств до середины X в.». При этом не исключал, что в некоторых уже могли быть князья, посаженные из Киева, но в большинстве «нерушимым оставалось собственное управление и свои князья»³⁶.

В наше время близкую мысль высказал Г.Г. Литаврин. Согласно ему, русские послы договора 944 г. и свиты Ольги, осуществившей визит в Константинополь, числом 22 представляли

---

³² Там же. С. 17. Исследователи несправедливо обвинили летописца в намеренной фальсификации: договор был один и только 911 г., а он сделал из него два, переместив часть текста в статью 907 г. Если признавать поход Олега на Константинополь 907 г. реальностью, тогда такой же реальностью следует считать и договор этого года. См.: *Толочко П.П.* Русско-византийские договоры и время включения их в летопись // *Київ і Русь*. С. 59–60.

³³ ПВЛ. С. 18.

³⁴ Там же. С. 23.

³⁵ Подробнее об этом см.: *Назаренко А.В.* Территориально-политическая структура Древней Руси в первой половине X в.: Киев и «Внешняя Русь» Константина Багрянородного // *Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света. Материалы международной конференции (Труды Государственного Эрмитажа. XLIX)*. СПб., 2009. С. 411–425.

³⁶ *Грушевський М.С.* Історія України-Руси. Київ, 1994. Т. 1. С. 423–425.

интересы 22-х «городских и одновременно крупных административных центров»³⁷.

Для историка, владеющего не только письменными, но и археологическими источниками, такое понимание летописных свидетельств кажется естественным и единственно возможным. Посольства в Константинополь ведь снаряжались киевскими князьями после военных походов. А поэтому определенно должны были иметь такое же представительство, какое было и в военных акциях. Невозможно представить, чтобы для походов привлекались силы многих восточнославянских племенных объединений (полян, северян, древлян, кривичей, словен, тиверцев и др.), а при заключении мирных договоров их интересы никто не представлял.

А.В. Назаренко, посвятивший этим свидетельствам летописи специальное исследование, вернулся, по существу, к объяснениям, предложенным еще С.М. Соловьевым. При этом он отказал уточнению «по тѣм бо городомъ седяху велиции князи, под Олгом суще»³⁸, завершающему список городов, в аутентичности. Ему кажется, что это — разъяснение летописца начала XII в., который не мог представить себе никакой другой уместной для князя позиции, кроме стола в том или ином «граде»³⁹.

К сожалению, это сомнение не подкреплено какими-либо аргументами. Скажем, хотя бы тем, что в источниках известен прецедент, когда бы все «княжье» сосредотачивалось в одном городе. Ссылка на авторитет А.Е. Преснякова, что в «древнейшее — Игоревое — время семья княжая сидит, по-видимому, нераздельно в Киеве», не убедительна, поскольку это не источник, а тоже мнение. К тому же каких-либо документальных данных, которые бы показывали, что семья Игоря состояла, кроме Ольги и Святослава, также из многочисленного «княжья», у нас нет.

В связи с этим, основной вывод А.В. Назаренко, что князья, «под Олгом суще», и «всякое княжье», это — «довольно многочисленный *кровнородственный* коллектив», «княжеское семейство в широком смысле слова», «княжеский род», корпоративность владения которого выражалась, в том числе, и в совмест-

³⁷ Литаврин Г.Г. Состав посольства Ольги в Константинополь и «дары» императора // Византийские очерки: Труды советских ученых к XVI Международному конгрессу византинистов. М., 1982. С. 82.

³⁸ ПВЛ. С. 17.

³⁹ Назаренко А.В. Территориально-политическая структура Древней Руси. С. 413.

ном пребывании в общей столице⁴⁰, подтвердить нечем. Из текста договоров это никак не следует⁴¹. Наоборот, свидетельства о том, что это «княжье» находилось во власти Олега — «под Олгом суще», или «подъ рукою его», к тому же представляло не только киевский княжеский род, но и «всѣхъ людей Руския земли», а греческая дань распределялась между древнейшими городами (даже если их было и меньше, чем это перечислено летописью), указывают на то, что русские посольства действительно представляли интересы всех административно-территориальных единиц подвластных или временно подконтрольных Киеву.

Отказывая послам в широком поземельном представительстве, А.В. Назаренко неожиданно предположил, что таковыми следует считать «гостьев»⁴². Но эта интересная мысль, по существу, разрушает его же вывод об исключительно киевском составе посольств. Если города и земли могли быть представлены купцами, то почему не могли — послами? Тем более что в договоре 944 г., где упомянуты послы и гости («сълы и гостье»)⁴³, они не расчленены по этим двум категориям и, скорее всего, сочетали в себе обе функции.

И конечно же, у нас нет оснований видеть во всяком княжье исключительно членов семейства Рюриковичей. Если исходить из свидетельств русской летописи, а других источников о семействе первых киевских князей северного происхождения у нас нет, говорить о Рюриковичах во множественном числе для конца IX — первой половины X в. вообще не приходится. Рюриковичем был Игорь. К этому роду, возможно (но не обязательно), принадлежал Олег, укорявший Аскольда и Дира в их не княжеском происхождении и рекомендовавший таковым себя («но азъ

---

⁴⁰ Там же. С. 418.

⁴¹ Во время дискуссии на Международной конференции в Институте всеобщей истории РАН 29 октября 2012 г. А.В. Назаренко призвал своих оппонентов внимательно анализировать византийские источники, в частности, произведения Константина Багрянородного. Однако даже и наивнимательнейшее чтение византийского автора не может приблизить нас к пониманию того, кто скрывается под определением «всякое княжье» договора 944 г. У Константина об этом ничего не сказано. Здесь, все-таки, лучше внимательно анализировать русскую летопись, в которой присутствует имя одного из этих «всяких» князей. Это древлянский князь Мал.

⁴² Назаренко А.В. Территориально-политическая структура Древней Руси. С. 422.

⁴³ ПВЛ. С. 23.

есмы роду княжа»)»⁴⁴. Но это и все Рюриковичи, которые утвердились в Киеве. Большая кровнородственная семья из них явно не получается. Даже и в широком смысле слова.

Против расширительного понимания киевского семейства Рюриковичей конца IX — первой половины X в. как многочисленного кровнородственного коллектива свидетельствует и тот факт, что ни один из предполагаемых его представителей не заменил собой кого-либо из племенных князей. Первыми Рюриковичами, посаженными на земельные столы, были сыновья Святослава⁴⁵.

Не убежден, что нам стоит слишком концентрировать свое внимание на виртуальном, когда имеем столько реальных свидетельств о характере и структуре восточнославянской власти накануне и в первые десятилетия утверждения на Руси варяжских князей. Наглядное представление об этом дает пространный летописный рассказ о взаимоотношениях князей Игоря и Ольги с древлянами.

Конфликт между Киевом и Искоростенем возник из-за неупорядоченных даннических отношений. Древляне требовали установления нормированной дани и сохранения автономии своей земли, а Киев стремился устранить местную администрацию и заменить ее киевской.

Из статьи 945 г. явствует, что древляне, вопреки не очень благосклонному представлению их киевским летописцем, в социально-политическом отношении ничем не отличались от полян. У них был свой князь, лучшие или нарочитые мужи, дружина, вече, то есть все те институты, которые характеризуют раннегосударственную форму общественной жизни. Причем сложились они задолго до середины X в. Это видно из речи древлянских послов, обращенной к Ольге. В ней говорится не только о нынешнем древлянском князе Мале, но также и о его предшественниках, которые обустроили Древлянскую землю. «А наши князи добри суть, иже распасли суть Деревьску землю»⁴⁶.

---

⁴⁴ Там же. С. 14.

⁴⁵ Согласно Константину Багрянородному, в Новгороде при Игоре княжил Святослав. Из наших летописей это не следует. Скорее всего, в реальности этого и не было, ибо трудно представить в роли князя-наместника двух-трехлетнего ребенка. К тому же, согласно летописи, он в это время находился в Киеве.

⁴⁶ ПВЛ. С. 27. Думается, спор о том, кого следует понимать под «нашими князьями» лишен предметности. Конечно, это предшественники Мала, а не его современники. Вряд ли можно предположить, что в середине X в. у древлян было много князей.

Центральным или стольным городом Древлянской земли был Искоростень. Однако он — не единственное городское средоточие древлян, имелись и другие, о чем вполне отчетливо говорит летописная статья 946 г. После неудачного сражения с киевской дружиной, водимой Ольгой и Святославом, древляне отступили в свои «грады» и закрылись в них. «Древляне же побѣгоша и затворишася в градѣхъ своихъ»⁴⁷. О градах во множественном числе говорит и Ольга в своем послании к осажденным искоростенцам. «А вси гради ваши предашася мнѣ, и ялися по дань»⁴⁸.

Археологические исследования последних лет, осуществленные Б.А. Звиздецким, показали, что как город Искоростень ничем не уступал Киеву. Имел двухчастную планировочную структуру, располагал мощными укреплениями, имел достаточно богатую материальную культуру, развитые ремесло и торговлю. Найденные в нем золотые и серебряные височные кольца находят ближайšie аналогии в древностях Великой Моравии, Венгрии и Малой Польши, железные фибулы и серебряные гарнитурные бляхи — в Балтийском регионе, серебряные дирхемы — на Арабском Востоке, предметы вооружения — в Средней и Северной Европе⁴⁹. Все эти вещи обнаружены под слоем пожарища 945 г. и, следовательно, их верхние даты не выходят за пределы первой половины X в.

Взятием и сожжением Искоростеня Ольга, по существу, определила новый статус Древлянской земли в административно-территориальной структуре Киевского государства. С ее автономией было покончено. Местная администрация была пленена и уничтожена: «старѣйшины же града изънима, и прочая люди овыхъ избѣи»⁵⁰. Ее место заняла киевская. Система взимания дани была упорядочена, но ее размеры стали еще большими, чем это было при Игоре. Кроме того, в Древлянской земле появились опорные пункты киевской власти. «И иде Вольга по Дервьстѣй земли съ сыномъ своимъ и съ дружиною, уставляючи уставы и уроки; и суть становища еѣ и ловища»⁵¹.

---

⁴⁷ Там же. С. 28.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Звіздецький Б.А., Петраускас А.В., Польчуй В.І. Нові дослідження стародавнього Искоростеня // Стародавній Искоростень і слов'янські гради VIII–X ст. Київ, 2004. С. 51–86.

⁵⁰ ПВЛ. С. 29.

⁵¹ Там же.

Летописный рассказ о драматических взаимоотношениях Киева с Искоростенем в середине X в. позволяет утверждать, что точно такими же они были и с другими восточнославянскими административно-политическими центрами⁵².

В свое время А.Е. Пресняков полагал, что древнерусские волости возникли постепенно уже на глазах истории и не представляли собой наследия «докняжеских» времен. Они явились на развалинах племенного быта, «не из него выросли, а его разрушили»⁵³. Близкую мысль утверждал и С.В. Юшков, считавший, что крупная феодальная сеньория Киевской державы возникла на развалинах племенных княжений⁵⁴. Сторонники такого взгляда на начало древнерусской государственности есть и в наше время.

Наверное, летописные известия о противостоянии племенных княжений и варяжской княжеской власти Киева дают основания для таких выводов. Внешне это действительно выглядело, как отрицание наследия племенного этапа и создание нового строя власти. Известно ведь, что «примучивание» восточнославянских племен сопровождалось истреблением их князей и сожжением административно-политических центров. Археологические исследования укрепленных «градов» VII–IX вв. обнаружили практически повсеместно мощные слои пожарищ, которые как бы разделили их жизнь на два этапа — племенной и киеворусский⁵⁵.

И тем не менее у нас нет оснований отрицать естественную преемственность этих двух периодов отечественной истории. Изучение процессов формирования старейших древнерусских городов показывает, что практически все они имеют культурные слои третьей четверти I тысячелетия. Их социальное и общественно-политическое значение как племенных средоточий не пресеклось и на следующем этапе развития. Только теперь они стали стольными городами уделов, а Киев — столицей объединенной Руси.

Сказанное в полной мере справедливо и по отношению к новым городам, которые строились княжеской властью на необжитых ранее местах. Речь идет о необходимости конкретных топографических точек, но не территорий, где они основывались. Новый

⁵² Толочко П.П. Киев и Искоростень в середине X в. // Київ і Русь. С. 69–74.

⁵³ Пресняков А.Е. Лекции по русской истории. М., 1938. Т. 1. С. 62, 93.

⁵⁴ Юшков С.В. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М.; Л., 1939. С. 172.

⁵⁵ Толочко П.П. Древнерусский феодальный город. С. 61–69.

Искоростень, к примеру, был сооружен не более чем в километре от старого. И с тем же названием. Этот и другие подобные примеры свидетельствуют о том, что города, строившиеся княжеской властью, накладывались на сформировавшуюся до них социальную округу. По существу, не претерпела изменений на княжеском этапе сколько-нибудь и племенная территориальная структура. Она естественным образом трансформировалась в удельную.

Из всего сказанного следует, что мы не можем, не должны, исключать «племенной» этап в жизни восточных славян из эволюции их государственности. Равно как и начинать политическую историю Древней Руси только с прихода варягов, что имеет место в наше время. И даже сопровождается поиском первой русской столицы где-то на Севере восточнославянского мира — в Старой Ладоге или Новгороде.

Это контрпродуктивное занятие. Как в научном, так и в общественно-политическом смысле. Мы в лучшем случае определим административно-политические средоточия отдельных восточнославянских межплеменных объединений. При этом, если не будем прибегать к насилию над источниками, придем к выводу, что все они в социальном плане — явления одного порядка. Ни один существенно не старше другого и политически не значимее. Ладога и Новгород на севере — такие же локальные центры роста ранней государственности, как Киев и Искоростень на юге, или Полоцк на северо-западе. И ни один из этих городов не может рассматриваться для 60-х годов IX в. как столица Руси.

Общая столица для всех восточных славян появилась тогда, когда север и юг восточнославянского мира объединились в единое государственное образование. Ею с 882 г. стал Киев, в котором утвердилось варяжская по происхождению княжеская династия. И хотя появление названия «Русская земля» в летописи приурочивается к началу царствования императора Михаила III⁵⁶, числа в ней положены не от княжения Рюрика или Аскольда, но Олега. «А от перваго лѣта Михайлова до перваго лѣта Олгова, рускаго князя лѣт 29»⁵⁷. Несомненно, летописцы отдавали себе отчет в том, что только с этого события и следует отсчитывать историю восточнославянского государства с центром в Киеве.

---

⁵⁶ Реальнее относить это событие к 860 г., когда Русь заявила о себе мощным нападением на столицу Византии.

⁵⁷ ПВЛ. С. 12.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Горский А.А.* Первое столетие Руси // Средневековая Русь. 2012. Вып. 10. С. 7–112.
- Грушевський М.С.* Історія України-Руси. Київ, 1994. Т. 1.
- Звіздецький Б.А., Петраускас А.В., Польчуй В.І.* Нові дослідження стародавнього Іскоростеня // Стародавній Іскоростень і слов'янські гради VIII–X ст. Київ, 2004. С. 51–86.
- Константин Багрянородный.* Об управлении империей. Текст, перевод, комментарий / Под ред. Г.Г. Литаврина и А.П. Новосельцева. М., 1989.
- Литаврин Г.Г.* Состав посольства Ольги в Константинополь и «дары» императора // Византийские очерки: Труды советских ученых к XVI Международному конгрессу византинистов. М., 1982. С. 71–92.
- Назаренко А.В.* Территориально-политическая структура Древней Руси в первой половине X в.: Киев и «Внешняя Русь» Константина Багрянородного // Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света. Материалы международной конференции (Труды Государственного Эрмитажа. XLIX). СПб., 2009. С. 411–425.
- ПВЛ — Повесть временных лет / Подготовка текста, перевод, статьи и комментарии Д.С. Лихачева. Под ред. В.П. Адриановой-Перетц. 2-е изд., испр. и доп., подготовил М.Б. Свердлов. СПб., 1996.*
- Пресняков А.Е.* Лекции по русской истории. М., 1938. Т. 1.
- Самоквасов Д.Я.* Происхождение русского народа. М., 1908.
- Толочко П.П.* В поисках загадочного Русского каганата // Київ і Русь. Вибрані твори 1998–2008 рр. Київ, 2008. С. 29–39.
- Толочко П.П.* Древнерусский феодальный город. Киев, 1989.
- Толочко П.П.* Исторична топографія древнього Києва. Київ, 1970.
- Толочко П.П.* Киев и Искоростень в середине X в. // Київ і Русь. С. 69–74.
- Толочко П.П.* Київська Русь // Київ і Русь. С. 7–28.
- Толочко П.П.* Русско-византийские договоры и время включения их в летопись // Київ і Русь. С. 57–68.
- Толочко П.П.* Русь изначальная // Археологія. 2003. № 1. С. 100–103.
- Третьяков П.Н.* Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.; Л., 1966.
- Юшков С.В.* Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М.; Л., 1939.

P.P. Tolochko

THE ORIGINS OF EAST-SLAVIC POLITY

Abstract: The paper discusses some problems of East-Slavic polity. The author considers the state to be the result of inner social and political development of Eastern Slavs. Long before the arrival of Varangian armed forces Rus' had

had its own administrative and territorial structure of the society in the form of inter-tribal unions headed by princes, with their social centers (“grady” of the chronicles). Varangians did not bring their own social and political system with konungs, jarls, hövdings, tings and other Norman administrative institutes to Eastern Slavs, but accepted the local one. They became princes, posadniks, voivodes, tsysyatskys (captains), etc. They were, so to say, built into the life of Eastern Slavs, and led on the process of its consolidation. The Varangian princely dynasty in Rus’ was notable for the fact that they comparatively quickly became Slavic and shared the interests of the state they headed. The author concludes that it is impossible to eliminate the “tribal” stage in the life of Eastern Slavs in the evolution of their polity. Nor would it be correct to begin Russian political history with the arrival of Varangians, which has so often been done nowadays. It would be quite incorrect to look for the first Russian capital in the North of the East-Slavic world, be it Staraya Ladoga or Novgorod. Those centers were focuses of the growing state along with Kiev and Iskorosten’ in the South, or Polotsk in the West. Till the 80s of the ninth century none of them could be considered the All-Russian one. The first and only capital of Rus’ was Kiev.

Keywords: Eastern Slavs, Rus’, Varangians, Slavina, “knjazhje”, the Rurikids, “grady”